

И. В. Курукин (Москва)

РАЗВЕДКА «НИЗОВОГО КОРПУСА» В ИРАНЕ В 1723–1735 ГОДАХ

ПЕРСИДСКИЙ ПОХОД Петра I в 1722–1723 гг. завершился присоединением к империи полосы западного и южного побережья Каспийского моря с Дербентом, Баку и столицей иранской провинции Гилян Рештом. Османская империя по договору 1724 г. признала завоевания России в Прикаспии, а Россия — завоевания Турции в западном Закавказье.

Начался эксперимент по освоению заморских владений и их богатств. Эта задача выпала на долю экспедиционного «Низового корпуса», насчитывавшего порядка двадцати с лишним тысяч человек. Его офицеры и солдаты подавляли бунты, организовали сбор налогов, собирали сведения о природных ресурсах провинций. Там, где управление было изъято из рук местных ханов и визирей, появились новые административные органы. В Реште находились провинциальная канцелярия и ведавшая дипломатическими отношениями канцелярия персидских дел. В других центрах имелись свои судные канцелярии с участием местных переводчиков и мулл.

За несколько лет командующий в Гиляне (а затем возглавивший весь корпус) генерал-лейтенант Василий Яковлевич Левашов сумел привлечь на службу местных писарей и толмачей; создал туземные силы правопорядка из «доброконных скороходов». Представители этой корпорации, обеспечивавшей в Иране почтовую и курьерскую службу, пошли со своими старостами на русскую службу и вместе с регулярными частями действовали против мятежников и разбойников. Командующему размещёнными на значительном расстоянии по побережью Каспия войсками надо было следить за агрессивными устремлениями турок, иметь

дело с афганскими правителями Ирана и с непризнанным шахом Тахмаспом, объединившим сопротивление завоевателям.

Донесения Левашова, хранящиеся в РГАДА и в Архиве внешней политики Российской империи МИД РФ, показывают, что генералу удалось создать целую разведывательную сеть. «Повсюду шпионы от нас непрестанно отправляютца», — докладывал он императрице Анне Иоанновне в сентябре 1731 г.¹ По крайней мере, с 1726 г. скороходы и прочие шпионы из местных регулярно направлялись из Решта в Ардебиль, Тебриз, Казвин, Исфахан, Хамадан, Мешхед, Кум, Кашан, Шемаху и другие города и через две-три недели возвращались с собранными сведениями и слухами. Приходно-расходные книги канцелярии командующего за 1729—1731 гг. содержат десятки имен этих людей — как армян, так и «мухаметанцев». Среди них «особо верные» армяне Мелкум Бежанов и Егорий Татунов, а также Шаин Иванишев и Хачатур Мечердисов; ардебильцы Кулекол Фагулиев, Ашур Ишанов и Гулям Калфигулиев, Алмамет Ханвердиев, Алагий Садыков и Мелик Халханов из Тебриза, казвинцы Фазлали Маметкулычев и Хамамет Алиев, уроженец Решта Ага Риза Хусейнов, прочие шпионы-«мухаметанцы»: скороходы Керим и Садыр, крестьянин Али Мурад, Угурлы Аллахвердиев, Шабмухамет Хамади, Шихмамет Ханмухаметев, Фарзалий Маметкулычев, Махмед Земанов, Кулакалиф Кулычев, Экбер Калилов, Салий Амирханов, Курбанкулы Алимугаметев, Билий Кодыров, Шах Мухамет Мухаметев, Реджеп Бабаев, Фарзали и Шабан Кулычевы, Халмагамет Хаджимаметев, Гулмухамет Хаджи и многие другие. Их работа оплачивалась из «неокладных сборов»; от трёх-четырёх рублей в случае ближних «походов» до 14—15 рублей при возвращении из Исфахана и мест более отдалённых; в холода плата шла «для зимнего времени с излишеством». Отличившихся генерал награждал по персидской традиции дорогими халатами.

Шпионы выявляли бунтовщиков, рискуя при этом жизнью. В марте 1731 г. они подали генералу коллективную челобитную на жителей деревни Эзыграк; тамошние «мужики» заявили им: «Чего ради ея императорскому величеству в верности пребываете и от россиян шпионами ходите, а ныне де и свой шах имеэтца, коему в верности пребывать надлежит», — после чего «звали их, шпионов, бежать в горы служить шаху; и как они, шпионы, так и протчие, в верности пребывающие, с подзывателями не пошли, тогда между ними учинилась ссора и драка, и одного из шпионов изрубили во многих местах, а других побили насмерть».

Нападение на «пребывающих в верности» немедленно вызвало карательную экспедицию, во время которой были захвачены три бунтовщика, семь лошадей и четыре сабли².

Попутно шпионы решали и другие задачи: сообщали подробности о жизни бежавших из российских владений изменников (одни из них действовали активно, другие, как беглый астаринский Муса-хан, «жили в великой скудости и в раскаянии, что изменили») или разыскивали (а иногда и приводили) беглых русских и турецких солдат.

Одним из лучших агентов Левашова стал уроженец Казвина Алмамет Акбердиев (он же Алквердиев), который в течение нескольких лет постоянно совершал опасные путешествия из Решта. В 1730 г. он побывал в лагере персидских войск и был очевидцем при битве с турками под Тебризом; победе соотечественников Алмамет был искренне рад — до такой степени, что начальнику «в нынешние персияном счастливые случаи оной шпион сумнителен показался», однако он продолжал служить верно и доносить ценные сведения³. Тот же Алмамет зимой 1726/27 г. незаметно следовал по турецкой территории за официальным гонцом — российским подьячим Сениковым по маршруту Ардебиль — Тебриз, где жил в караван-сараях «в сабачьей конуре», но сумел через местных армян установить связь со слугой подьячего (подавая тому «кафейник с кофеом») и получил письмо для передачи Левашову; попутно он подробно расспросил турок о неудачных для них боях с афганской конницей под Хамаданом⁴.

Надёжный скороход Султан Мухамет Хусейнов не раз отправлялся по маршрутам Решт — Казвин — Хамадан, Решт — Кум — Тегеран, Решт — Казвин — Исфахан и сам нанимал агентов в других городах, как хамаданца Багира. Сафар Аллакульчев стал глазами и ушами Левашова в афганском войске Эшрефа. «Индийский дервиш» Хаджи Мухиб Мухаметов в 1731 г. сопровождал армию полководца Тахмаспа Кули-хана (будущего шаха Ирана Надира. — *И. К.*) в Афганистан и стал свидетелем осады Герата — столицы пуштунского племенного союза абдали.

О неудачном сражении шаха Тахмаспа с турками под Хамаданом в сентябре 1731 г. Левашов получил информацию из обоих лагерей. Армянин Мурад Аврамов сообщал из ставки шаха, что в поражении виноват сам монарх, который спьяну («от шумства») бросил несколько отрядов на всё турецкое войско. Присланное багдадским наместником Ахмед-пашой официальное

извещение о победе командующий сверил с донесением своего шпиона из турецкого войска. Кулла Гамет Хаджимугаметев был в расположение армии Ахмеда-паши, предъявил в качестве удостоверения печать Левашова и имел возможность лично наблюдать сражение; так российские агенты сотрудничали с временными союзниками там, где генерал не желал делать это открыто. Шпион также сообщил, что нетрезвый шах скакал по лагерю и велел палить из пушек, радуясь скорому миру, а турки приняли эту канонаду за начало военных действий и пошли в атаку⁵.

Жизнь шпионов была нелёгкой — им случалось болеть, быть избитыми и ограбленными на дорогах охваченного войной Ирана. Иногда, на ночлеге в караван-сараях, они встречались с коллегами из другого лагеря. Так, в мае 1732 г. посланец Левашова Мухаммед Эмин из Решта встретился в Мешхеде со «шпионом шаховых евнухов» и узнал от него, что полководец шаха Тахмасп Кули-хан всех «министров ласкательствами и подарками победил и желает, чтоб государь их (шах Тахмасп II. — *И. К.*) недействителен был и все дела государственные поручены были от него ему, хану». «И оной шпион, — рассказал по возвращении Мухаммед Эмин, — тех министров много лаял изменниками и предателями»⁶.

Командованию приходилось бороться и с вражескими агентами; персияне и турки использовали против русских в том числе и местных христиан, — к примеру, «грузинца» Баэндуря Евсеева, который был схвачен в Реште в 1730 г. и отправлен в Астрахань⁷. Сам генерал опасался утечки информации: в марте 1731 г. он писал вице-канцлеру А. И. Остерману, что «хотя и не имеет подозрения на свою канцелярию», но «здесь подкопателей безмерно много», и хранил указы и царские грамоты в своей личной шкапулке, чтобы никто не узнал о предстоящей сдаче провинций Ирану⁸. Создатель шпионской сети в Северном Иране хорошо знал, как добываются даже самые секретные документы...

---

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. Д. 7. Л. 15 об.

² Там же. Д. 6. Л. 189.

³ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 77. Л. 1160—1162 об.; АВПРИ, Ф. 77. Оп. 77/1. 1730. Д. 13. Л. 10—10 об.; Д. 14. Л. 80—81, 151.

⁴ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 85. Л. 406—407.

⁵ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. Д. 7. Л. 203 об., 221 об.

⁶ Там же. 1732. Д. 5. Л. 236.

⁷ Там же. 1730. Д. 14. Л. 137.

⁸ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. Д. 6. Л. 154.